

ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО.

«Мама моя, прости ми ъ все горе, что я причинила тебѣ и позволь въ этомъ послѣднемъ писемѣ съ родины высказать все, что терзаетъ мою душу.

Пожалѣй меня, мамочка, я такъ несчастна, какъ никогда и не думала, что можетъ быть человѣкъ! Я понимаю, что это наказаніе миѣ за то, что я заставила тебя пережить, и я не ропщу, я все выдержу, но я не могу не сказать тебѣ о томъ, какъ миѣ тяжело! Я знаю, ты меня пожалѣешь, ты меня простишь...

Съ чего начать? Что самое ужасное въ моемъ положеніи?

Конечно то, что я остаюсь совѣмъ одна, что я уѣзжаю въ несправедливую страну, и что мой мужъ призванъ въ войска и будетъ сражаться противъ моихъ братьевъ—русскихъ.

Неужели ты эту возможность предвидѣла, когда такъ горячо возставала противъ моего брака? Не можетъ быть... вѣдь не я одна выходила за иностранца. Или сердцемъ ты чувствовала, что именно въ данномъ случаѣ «не будетъ добра», какъ ты говорила?

Но, мама моя дорогая, пойми меня—вѣдь миѣ казалось, что я его люблю. Я даже уважала его за то, что онъ не захотѣлъ перейти въ русское подданство. Я съ радостью пошла за нимъ и стала сама германской подданной. Миѣ все это казалось пустой формальностью, и такъ естественнымъ находила я то, что не онъ идетъ за мной, а я—за нимъ.

И вѣдь мы были счастливы эти два года. Я не скажу, чтобы не замѣтила я нѣкотораго несходства нашихъ взглядовъ, но мы умѣли ладить и Генри говорить, что онъ любитъ меня все больше и больше, что я наполнила всю его жизнь, и что безъ меня онъ уже не представляетъ себѣ жизни.

До сихъ поръ Богъ не посылалъ намъ дѣтей. Ты знаешь, это огорчало насъ обоихъ... Огорчало и тебя. И я не писала тебѣ, я хотѣла сдѣлать сюрпризъ... А теперь я ужъ и не знаю, какъ ты отнесешься къ тому, что у меня будетъ ребенокъ, который родится въ чужой странѣ, въ чужой для меня семьѣ. Я не сказала еще тебѣ, что Генри отвозитъ меня къ своимъ родителямъ, да если бы и не отвозилъ—все равно, говоритъ онъ, я, какъ германская подданная, не имѣю права жить въ Россіи, и въ нашемъ пограничномъ городкѣ, гдѣ все-таки было у меня гнѣздо, миѣ тоже оставаться нельзя.

Какое ужасное сѣщеніе обстоятельствъ!

Я не могу утѣшать себя мыслью, что война, какъ все на свѣтѣ, кончится, что я буду имѣть возможность пріѣхать къ тебѣ, показать моего ребенка, видѣть, слышать, цѣловать тебя. Не могу! Война только начинается, не видно конца, да если и доживу я до этого конца, я не знаю, что останется отъ меня, я ничего не знаю, кромѣ того, что сейчасъ мнѣ нестерпимо...

Завтра мы уѣзжаемъ въ имѣніе родителей Генриха. Вещи частью проданы, частью сданы на храненіе. Меня это не интересуеетъ. Я беру съ собою только портреты моихъ дорогихъ, да нѣсколько русскихъ книгъ.

Какъ ни далеко жила я отъ тебя, мама моя, все-таки я жила въ Россіи, теперь же я буду отрѣзана отъ моей родины... и въ какое ужасное время! Только сейчасъ, я понимаю, что значитъ для человѣка родина. Но къ чему мнѣ это пониманіе!

Не буду описывать тебѣ, что я пережила, когда узнала о войнѣ.

Я не сразу сообразила весь ужасъ того, что мой мужъ будетъ сражаться противъ моихъ братьевъ, не сразу повѣрила тому, что не могу остаться въ Россіи, и что жить мнѣ предстоитъ на родинѣ мужа. Все это какъ-то одно за другимъ сваливалось на мою бѣдную голову и лишало меня силъ приняться за письмо тебѣ. Я понимала, какъ едѣлаю тебѣ больно.

Но время не терпитъ. Я спѣшу все-таки, хотя и несвязно, сказать тебѣ все...

Прости же меня, родная моя!.. Впрочемъ, я знаю, ты простила. Ну пожалѣй, благослови меня... Только не страдай за меня, я заслужила то, что переживаю. И судьба еще милостива ко мнѣ—у меня будетъ утѣшеніе—мой ребенокъ, вѣдь его у меня ужъ никто не отниметъ, и я воспитаю его въ любви къ моей родинѣ... Боже мой, мама... что же это? Вѣдь его родиной будетъ не Россія.

А родители отца моего ребенка захотятъ воспитать его въ любви къ ихъ родинѣ, и я, жена ихъ сына и мать ихъ внука, я всегда останусь ненавистной имъ русской.

Мама, я теряю голову! Я признаюсь тебѣ въ томъ, въ чемъ не хотѣла сознаться два года тому назадъ, мнѣ его родные не понравились, я неправду написала тебѣ, что они добрые и хорошие. Я не знаю, какіе они, я только чувствую, что боюсь ихъ, понимаю, что они мнѣ чужіе, чужіе!

Что же мнѣ дѣлать?

Я молила Генриха отпустить меня домой... Но онъ правъ, мнѣ теперь туда нельзя. Если бы хоть не имѣлъ онъ отношенія къ военной службѣ. Я готова была бы не видѣть тебя, но знать, что онъ будетъ драться противъ русскихъ... это выше моихъ силъ! Это какой-то кошмаръ!.. Мнѣ надо во что бы то ни стало сойтись съ мыслями, овладѣть собою.

Ради Бога, мамочка, ты не тревожься обо мнѣ. Я пишу, что чувствую, я дѣлаю тебѣ больно, но, родная моя, я только тебѣ могу крикнуть, какъ больно мнѣ... Я чувствую себя безпомощнымъ ребенкомъ и уже не въ состояніи разсуждать. Когда я прихожу въ себя, я понимаю, какъ я эгоистична.

Поэтому я до сихъ поръ и не писала тебѣ, но теперь... теперь ты и такъ чувствуешь, каково мнѣ. И пусть лучше и тебѣ будетъ больно, только не подумала бы ты, что я примирилась съ моимъ положеніемъ и считаю его нормальнымъ.

Я обѣщаю тебѣ терпѣть, я постараюсь выносить и выходить мое дитя. Я вѣрю, что къ тому времени, когда оно вырастетъ, многое перемѣнится и еще мо-

жетъ быть, все будетъ хорошо для насъ съ тобою. Иди насъ, мама, мы приѣдемъ къ тебѣ, я и мой ребенокъ, мы твои, только твои!

Сейчасъ вернется Генрихъ, мнѣ нужно успѣть отправить письмо. Я не хочу, чтобы онъ зналъ его содержаніе.

Прощай, моя мама, благослови меня.

Еще одно слово... Мамочка, если бы возможно было вернуть прошлое... Если бы сейчасъ возможно было убѣжать къ тебѣ и спрятаться около тебя...

Неужели и письма отъ тебя не получу я до конца войны?

Найди возможность написать мнѣ. Забудь, что я не послушалась тебя и вышла за Генриха. Теперь я пойму малѣйшій намекъ и сдѣлаю все, какъ ты скажешь... Скажи же только, что мнѣ дѣлать?

Видишь ли... я все не могу написать тебѣ самага главнаго... Это такъ сложно и страшно... Я любила Генриха, это для меня вѣкъ сомнѣній. Правда, я не думала, что онъ нѣмецъ, а я русская, и могутъ быть вопросы, на которыхъ мы никогда не сойдемся, но мы сходились на главномъ для насъ въ то время, на любви. Теперь я начинаю понимать, что та любовь, которая сблизила насъ, была, съ моей стороны, не настоящая любовь, а только увлеченіе, страсть, можетъ быть... Онъ увѣряетъ, что съ его стороны была и есть глубокая любовь. Тѣмъ хуже, тѣмъ тяжелѣе, потому что моя страсть, какъ вѣроятно, всякая страсть, чѣмъ сильнѣе вспыхнула, тѣмъ скорѣе погасла. Мнѣ кажется теперь, что общаго между нами никогда не будетъ ничего. Ребенокъ? Я хочу, чтобы ребенокъ былъ только мой...

Дѣлаю приписку на вокзалѣ. Генрихъ вышелъ. Поѣзда еще нѣтъ. Публики столько, что я не знаю, какъ все мы помѣстимся. Пишу карандашемъ на подоконникѣ. Не безпокойся, мама. Я вполне владѣю собой. Все вокругъ до того растеряны, такъ много малодушныхъ, трусливыхъ, эгонистовъ... Я не хочу осуждать, но я не хочу сама быть такой. Я твоя дочь и буду достойна тебя.

Это ничего, что я ѣду въ враждебную страну, къ чужимъ мнѣ людямъ и съ человѣкомъ, который сталъ мнѣ чужимъ, все эти условности такой пустякъ въ сравненіи съ тѣмъ, что теперь предстоитъ пережить каждому.

Я вѣрю, что моя родина, великая Россія выйдетъ побѣдительницей изъ этой ужасной войны. Я вѣрю, что мой ребенокъ будетъ русскимъ, хотя отецъ его нѣмецъ. Я вѣрю, что я еще увижу тебя, моя мама, и буду жить на моей родинѣ. А тамъ, у нихъ, я буду настоящей русской женщиной, я сумѣю нести гордо и терпѣливо мой крестъ и выйду и я, какъ моя родина, побѣдительницей изъ посланнаго испытанія. Еще вѣрю я, что ты меня простила, мама моя, и что ты будешь охранять насъ твоей молитвой, меня и дѣтку...

Пора... Я бѣгу опустить письмо...

Всеми мыслями, всей душой я буду съ тобой, мама, и съ моей родиной» .

Е к а т е р и н а Э к ѣ .